

2 августа 1841 г. Село Воробьево.

Письмо твое получила. Жаль, что не написала кого-то Вердеревского умерла дочь? Я Василия очень люблю, а у него всего одна. Если же другого брата, то ему сносно: у него детей много.—Я здоровъ. Скоро сто разъ будешь, какъ я уже купался.—31-го было рожденіе матери Мартыновой. Нашелъ ее въ большомъ горѣ. Сынъ ея Николай застрѣлилъ м... Лермонтова на дуэли. Какъ мы жаль бѣдной бабки его (Арсеньевой). Всю жизнь ему посвятила и испытала отъ него всю чашу горестей до дна. Жалко и Мартынова. Николай давно въ отставкѣ и живъ тамъ по пустому. Теперь сидитъ въ острогѣ. Лермонтовъ въ послѣднемъ письмѣ къ Мартынову писалъ сюда, что онъ кидалъ вверхъ гривенники, загадывалъ куда ему ходить. Онъ упалъ рѣшетомъ. Сие означало въ Пятигорскѣ и отъ того тамъ погибъ. Пишетъ: «хочу ходить къ истинному моему другу, который болѣе двадцати нашихъ русскихъ зарѣзанъ и теперь смирился!» Довольно этого, чтобы знать каковъ былъ. Онъ былъ трупъ. Хотѣлъ и тутъ отдѣляться, какъ съ Барановымъ прежде, сказали, что у него руки не поднимаются, выстрѣлилъ вверхъ, и тогда она съ Барановымъ подѣловались и напились шампанскимъ¹⁾. Сѣдалъ то же и съ Мартыновымъ, но этотъ несмотря на то убилъ его. Здѣсь умерла внучка Павла Петровича Нарышкина. Онъ ее очень любилъ, воспитывать, купилъ домъ, далъ 2.500 душъ и лишился своего утѣшенія. Она была Булгарина, лѣтъ около десяти. У настѣ гдѣ-то подъ Москвой горѣть вѣрою трубы, и отъ того другой день солнца не видать и пахнетъ гарью. Василия Сергеевича Ланскова ссыпъ въ отчаяній (такъ говорятъ), что ему измѣнила актриса. Отѣкала себѣ пальцы у рукъ и думали, что умретъ антоновскимъ огнемъ. Какъ умень мальчикъ! Видно былъ мастеръ владѣть собой. Все отъ того что наихъ терпѣніе называется добродѣтелью основы, хотя прежніе философы и лучшіе изъ нихъ стопки считали ее первой. Теперь пусть иониншина просвѣщенная молодежь видитъ, лучше ли Ланскову безъ сего качества. По моему кто такъ мыслить, гораздо глупѣе осла. Осель полезенъ, а наимѣшшаго вѣка мудрѣцъ вѣтъ преденъ. Жаль, что у тебя синъ боленъ. Ты и его заѣччишь. Мы дѣтами безъ докторовъ росли. Но нашъ вѣкъ былъ глупъ. Лѣчиться, вѣсъ опыта не выѣчить. Кто вспомнитъ обо мнѣ, благодаря. Я ужъ никому не надобенъ²⁾. Дѣтей вѣлу и благословлю.

Сообщилъ баронъ Н. В. Дризенъ.

¹⁾ Напомнимъ это мѣсто въ биографіи Лермонтова: «на слѣдствіи Лермонтовъ показалъ и секунданта его подтвердилъ, что на дуэли онъ скѣдѣлъ свой выстрѣль въ сторону,—обстоятельство, которое могло имѣть вліяніе на мѣру высылки и было справедливо». (Соч. Лермонтова, подъ ред. Ефремова, Спб. 1882 г., т. I).

²⁾ Кипкінъ писалъ это письмо въ преклонныхъ лѣтахъ.

АРХИМАНДРИТЪ ПЕТРЪ КАМЕНСКІЙ,

начальникъ десятой Россійско-Імператорской миссии въ Пекінѣ.

тъ полночь 17-го мая 1845 года двѣнадцать мѣрныхъ, но унылыхъ ударовъ большаго колокола Городенскаго Феодоровскаго монастыряозвѣстили братія и обитателей древ资料 града Радилова о мирной кончинѣ служителя Божія. То почиль архимандритъ Петръ Каменскій—«престарѣлый пастырь юной пекинской церкви», бывшій начальникъ десятой Россійско-Імператорской миссии въ Пекінѣ.

Архимандритъ Петръ Каменскій болѣе полѣвка трудился на благо юной пекинской церкви и не вотиц: съ именемъ его связывается расцвѣтъ пекинской миссии и православнаго христіанства въ Китаѣ. Какъ однъ изъ выдающихся начальниковъ пекинской миссии, архимандритъ Петръ Каменскій заслуживаетъ того, чтобы вспомнить о немъ спустя пятьдесятъ лѣтъ послѣ его кончини.

Предлагаемый разсказъ составленъ мною на основаніи подлинныхъ своручныхъ бумагъ архимандрита Петра и его «дневника» за нѣкоторыѣ годы, съ выдержками, гдѣ нужно, свѣдѣній изъ разныхъ печатныхъ источниковъ, касающихся пекинской миссии вообще.

I.

Первые сношенинія русскихъ съ китайцами и начало греко-rossiйской церкви въ Китаѣ.

Наша миссия въ Китаѣ считаетъ свои годы со дня заключенія Нерчинскаго мирнаго трактата 27-го августа 1689 года, по которому пѣ-